А. А. БЕСТУЖЕВ

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ[1]

Вчера завернул я мимоходом в книжную лавку N. N., где нашел незнакомого человека лет под сорок, перелистывающего журналы. По очкам, по сюртуку без бобрового воротника, а более по его облику заключил я, что он принадлежит к оппозиции модных мнений. Любопытство заставило меня вступить с ним в разговор, и, если в нашем журнале есть лишнее место, вот он от слова до слова:

Незнакомец (закрывает книгу и встает). Жалко, очень жалко.— *Я*. Конечно, вы очень недовольны нашими журналами? — *Он*. Совсем напротив, милостивый государь, в них так много хорошего, что я жалею о недостатке критики, которая бы искусною гранью показала всю его цену. — *Я*. Мало критики, говорите вы? Но посмотрите, как занимаются теперь исправлением нашей сцены. — *Он*. Что принялись за исправление театра, это прекрасно; худо только то, что один театр занимает всех рецензентов. Критика не магнитная стрелка и не должна склоняться всегда к одной точке; почему же другие отрасли русской литературы, нашедшей себе убежище в одних журналах, забыты ею? Язык наш, просыпающийся, так сказать, от дремоты, имеет в том необходимую нужду. Почему бы, например, не

делать замечаний при мелких прозаических и стихотворных пьесах о качестве их? Для чего не сказать: вот это хорошо, ново, сильно, а то и то слабо, водяно; чтобы отличить изящное от обыкновенного, прекрасное от худого, одним словом, чтоб поток забвения не поглощал вместе с одами N. N. какого-нибудь сильного, но единственного стиха неизвестного автора.— *Я.* Вы забыли, что публика сама судит все творения.— *Он.* Публика, милостивый государь, дама: она любит, чтобы ее водили под руку. Имеет вкус, но не отягощает его трудом сравнивать, избирать и потому часто бывает эхом любимого журнала. Сим расположением публики должно пользоваться, направляя его ко всему изящному посредством благоразумной критики. — *Я.* Намерение прекрасно, но исполнение едва ли у нас возможно: во-первых, где найдете вы беспристрастного ценовщика творений, который бы сам вызвался быть хранителем печати Аполлоновой, который бы не увлекался духом времени, или партий, или обстоятельств личных? Настоящее поколение колеблет весы истины,—потомству предлежит установить их. Притом источники, из коих журналисты черпают материалы, иссякнут, коль скоро лишатся права неприкосновенности, да и стоит ли каждый выветрившийся сонет, каждая надпись... — *Он.* Милостивый государь! Я не говорю, что всякую безделку должно рассматривать в микроскоп критики. Журнальный балласт не может быть контрабандой; но пусть разбор сей издается обществом людей сведущих (в подражание некоторым заграничным журналам); пусть, чтобы научить нас, оно сперва нам понравится, пусть совесть и рассудок будут его президентами — и вы увидите, какое благотворное действие произведет оно на образование нашего вкуса, увидите, что весы истины и без гири столетий могут склониться на правую сторону. В круг действия критики входили бы сочинения, достойные разбора или по самому изяществу их, или по важности описываемого предмета, или, наконец, по временной их ценности в мнении публики. Ко второму классу принадлежит пьеса, которой чтение пред вами окончил. Это «Песнь о первом сражении русских с татарами при реке Калке, под предводительством князя Галицкого, Мстислава Мстиславича Храброго» [2]. Предмет оной истинно достоин мастерской кисти, ибо не одни триумфы принадлежат эпопее. Посмотрим, если вам угодно, каково господин автор выполнил описание сего гибельного, но не бесславного дела. Вы читали ее?.. — *Я.* Уже раза два. Кажется, она помещена

была в первой книжке 1820 года журнала «Сын отечества». — *Он.* Точно так, милостивый государь. Чтобы сказать свое мнение о целом, разберем сперва части: заглавии сказано о *первом* сражении русских с татарами при реке Калке. В начальных словах уже знаменитая неправда. Первое сражение предков наших с войсками Чингисхана было при Днепре, и русские в нем одержали верх; поражение же русских при Калке последовало десять дней спустя, и около четырехсот верст далее первого дела. Описание сражения *начинается концом его.* Русские бегут; первые три строфы прекрасны. Особенно эта:

Не по морю синему,
При громе и молниях,
Ладьи белокрылые
На камни подводные
Волнами наносятся
и пр.

Далее описывается поле сражения — более дурно, нежели хорошо: ни одного удачного сравнения, ни одной новой мысли. Там

Сквозь груды тел
Проходу нет.

(Он поморщился, читая сей стих.)

Их пращи дождь,
Мечи огонь.

Чьи же это *их*? За границею точки ближе всего стоит существительное имя *тела*, потом *груды*, к которым бы по грамматике могло относиться это местоимение. Полки же врагов отброшены ровно за *шесть* стихов и за две точки, а такие salto mortale в степенном нашем языке непозволительны. Что до пращей, говорено было не однажды, они летать по воздуху не могут, да и не должны, точно так же, как наши пушки и мортиры. Из пращей метали каменья, но сами они всегда оставались в руке.

...На тьму татар
Бойцы легли,
И крови пар
Встает с земли.

Два последние стиха картинны. Потом в равнине, как на декорации, является *холм высокий* (хотя по природе ве-

щей в степях холмы не растут),— на холме, как водится, ракитов куст, а под кустом витязь одинокий, а у витязя

...Стрелами пуст
Облегчал колчан тяжелый.

Скажите, можно ли говорить, а тем менее писать таким образом?.. Правда, немцы говорят: gefühllos *,— французы употребляют выражение vide de sens **, и то, заметьте, в отвлеченностях; но по-русски: *пуст ума, пуст чувств* — сущая нелепица, ибо одно понятие отрицает другое. *Стрелами пуст* все равно, что пустотою полон. Второй стих растянут и украшен небывалым глаголом,— *облегчать*, глагол действительный. *Облегчал*, прошедшее неопределенное его время, но в возвратном виде он употребляется не иначе, как с местоимением «ся», то есть *облегчиться*. Один выражает действие вещи на другую, другой, напротив, — возвращение действия на себя самого, и потому: *облегчал* вместо облегчился ошибочно и непонятно. — *Я*. Вы судите слишком строго все мелочи. — *Он*. Что ж делать, милостивый государь! Для сохранения побегов расцветающего дерева языка нашего надобно очищать их от гусениц; и подобные ошибки, верьте мне,— не безделицы.

Решето *стал* щит дебелы
Меч — зубчатая пила.

Глагол *стану*, когда он употребляется в значении *сделаюсь*, принимает все свойства сего возвратного глагола и потому требует безысключительно падежа творительного; следовательно, нельзя сказать: *сделаюсь что*, но *чем?* Или: *стал решето, пила*, но *решетом, пилой*. Не ведаю, откуда господа стихотворцы вырыли право подобных вольностей. Пусть бы они увечили так свои мечты, но грамматика есть общее именье.

...Жаждой и прахом уста засыхают.

Что хорошо, то хорошо: коротко и натурально.

...Стелют, молотят снопы там *из глав*.

Снопы из глав неприятно ни уху, ни воображению, и видно, что поставлено для рифмы: Мстислав. В песне о

---

* бесчувственный (*нем.*). — *Ред.*
** лишенное смысла (*франц.*). — *Ред.*

походе Игоря на половцев, откуда господин автор сей песни многим попользовался, картина сия гораздо полнее. «На Нелизе снопы стелют головами, молотят цепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела».

У Мстислава сердце *рвется надвое*, ибо он от бессилия не может идти в бой, любопытство мучит его узнать,

...*Здоров* ли верный меч?
Не *уморился* ли
Там долго кровью *течь*?
Коли в нем *проку* нет,
Так *не на что* беречь
и пр.

Что хотел этим сказать господин автор или князь Галицкий,— известно, конечно, не нам. Кровью *течь* — не по-русски. *Истечь* кровью — другое дело; но в мечах и того не бывает. Железо может *точить* кровь ударами, однако ж течение сродно одним жидкостям.

Нет срама мертвому,
Кто *смог* костями лечь.

Для чего ослаблять прекрасную речь: «ляжем костьми зде, мертвии бо срама не имут» — несообразными с целию выражениями? [3] Могущества не нужно много, чтобы умереть: для этого довольно доброй воли. Не думаю, чтобы Святослав считал себя ритором, но вряд ли бы он согласился променять свою прозу на эти стихи. Впрочем, три следующих искупают прошедшие:

И, три раза вспыхнув желанием славы,
С земли он, опершись на руки кровавы,
Вставал.

В них есть чувство, есть природа, одним словом, они прекрасны. Слово *вспыхнув* употреблено очень кстати. Жаль только, что «кровавые руки» вместо «окровавленных» не говорилось, да и не должно говориться. Далее:

И, трижды истекши *рудою* обильной,
Тяжелые латы подвинуть бессильной,
Упал.

Трижды *упал* — непростительно. Прошедшее совершенное не может в себе вмещать многих раз; следовательно, должно б было сказать: *упадал*, точно так же как и *вставал*. Про *руду* нечего и говорить: слово это нигде, кроме

ветхих лечебников и цирюльничьих вывесок, не употреблялось.— *Я.* Милостивый государь! Может быть, автор хотел приблизиться рассказом к наречию того времени.— *Он.* Тем хуже для нас, когда живые говорят языком мертвых; притом не все то хорошо теперь, что было таким прежде, а лирическое творение не должно быть Милютиною лавкою [4], где ананасы и устрицы лежат на одной полке. — *Я.* Comparaison n'est pas raison; * позвольте заметить, что, увлекаясь примером некоторых наших рецензентов, вы иногда более забавляетесь, нежели доказываете.— *Он.* Вспомните, что я не пишу рецензии и потому не подлежу ее законам; впрочем, вы, господа читатели, странные люди: браните критиков за насмешливый тон и не читаете критик, если в них недостает аттической соли. Мое же мнение таково, что острота в критике необходима, как лигатура в монете. Теперь обратимся к песне. Мстислав, изнемогши от ран, упадает без чувств, автор об нем сетует; обстоятельства, кажется, требуют медленного размера; ничего не бывало: стихи поскакали на перекладных—

Смертный омрак,
Сну подобны
Силу князя
Оковал
и пр.

Музыка без поэзии бездушна, но поэзия без музыки — скучна, и как бы стихотворец ни настраивал разум слушателя — плакать по плясовым размерам невозможно. Далее Даниил, зять Мстислава, бежит с поля сражения:

Он с преломленным *в пахе* копьем
Быстро мчится ретивым конем...

Почему ж не в персях, как сказано в летописце? «Даниилу бодену бывшу в перси не чуяше раны младеньства ради» [5] И что за пиитическое место — пах! Притом переломленное копье, право, не заноза.

Молодец, *веселясь на бою,*
Позабыл, знать, и рану свою,
Кто сей юноша славы и сил?

Безрассудно веселиться тому, кто видит гибель своего войска и смерть, следящую его самого. Храбрый Даниил в начале битвы врезался в средину татар, смял их ряды,

---

* Сравнение — не доказательство *(франц.).* — *Ред.*

но, увлеченный робкими половцами, уступил множеству — и дал хребет. Что тут забавного? *Юноша славы* — выражение, противуречащее смыслу. У нас говорят: *питомец, сын славы* и проч. Но юность, в коей предполагается неопытность, употребляется в отрицательном виде; например, он молод, юн в философии; тот-то ребенок в стихотворстве. Следовательно, здесь юноша значит одно и то же, что *недоросль*,— эпитет не слишком лестный! Князь смел, говорит господин автор, *не дрогнул бы он, хоть привиделся бы ему рогатый бес;* но, увидя полумертвого тестя, он *чуть-чуть не застонал навзрыд* (!), как будто жалость имеет какое-нибудь отношение к бесстрашию! Вот уже Даниил перекидывает Мстислава поперек седла, как чемодан, и скачет к реке.

Что ты, князь? ведь не поле река,
Ты удал, да вода глубока.

Сомнительно, чтобы можно было писать *глубокая вода*, вместо *река*. Если же допустить это, должно допустить и *высоту* всех жидкостей.

Однако ж, милостивый государь, пора и нам спастись вместе с князьями. У берега их ждут с ладьею,

Но Даниил *прикрикнул* на детей...
...Моя ⟨рана⟩ *нешто*, и после заживет.

К чему тут *но*? Для чего он прикрикнул? Бог весть. Мстислав *очнулся* и жалеет о своей безрассудности. Строки две есть... не дурные, только инде стечение шипящих букв: как, например, *на вящшее лишь зло*, или слова — *нечто, разбитье, гордившиесь* и тому подобные не слишком их красят. Гекзаметрический куплет заключает песнь. Князья выходят на берег и в благодарных слезах молят бога — за что? за свое разбитие,— точка и заключение.— *Я*. Теперь скажите свое.— *Он*. Сперва скажите вы мне, милостивый государь, как должно назвать это сочинение? Если это поэма, где возвышенный язык поэзии, где пиитические вымыслы (исключая рогатого беса)? Если ж это реляция, где истина событий? Господин автор обещал описать сражение и написал только бегство русских. Мстислав Галицкий, не быв ранен, переехал через реку прежде всех и, следовательно, не имел нужды в спасении Даниилом. Прочие князья и богатыри забыты. Великодушный Мстислав Немый, славный витязь Александр Попович, оруженосец его Тороп, вооружение татар, вид их, дотоле незнакомый русским, и множество других обстоятельств

могли бы служить для поэта Грановитою палатою предметов; но об них ни слова. Гордый, бестрепетный Мстислав Киевский, который, не участвовав в битве, не хотел делить позора бегущих и, с мечом в руке ожидая славной смерти, нашел изменническую гибель,— не удостоен воспоминанием: словом, пьеса сия, написанная без цели, начала и конца, без красок того времени и без цветов (не скажу: *грибов*) настоящей литературы, в которой размеры играют главную ролю,— поневоле заставляет повторить известные слова: что труднее об ней сказать свое мнение, нежели ее сочинить. И я, милостивый государь (сказал он, раскланиваясь), при каждом подобном нашествии на русский Парнас буду кричать, как гусь капитолийский, чтоб разбудить Манлиев и Дециев [6].

Прав он или виноват — рассудите сами.

Ваш покорный слуга и проч.

А. Б.

Февраля 19.1820

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

Впервые — «Сын отечества», 1820, № 12, ч. 60, с. 244—257, с подписью «А. Б.» и пометой: «Февраля 19, 1820».

[1] Адресовано основателю издателю «Сына Н. И. Гречу.

[2] Стихотворение П. А. Катенина, появившееся в «Сыне отечества», 1820, № 1. В оценке этого стихотворения Бестужев резко разошелся с Кюхельбекером (см. его статью «Взгляд на текущую словесность», наст. изд., с. 171 и след.).

[3] Ср. замечание по тому же поводу в той же статье Кюхельбекера (см. наст. изд., с. 173).

[4] *Милютина лавка* — гастрономический магазин в Петербурге.

[5] Цитируется отрывок из «Воскресенской летописи», приведенный в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (т. III, СПб., 1816, с. 545).

[6] Имеется в виду известная легенда, по которой гуси спасли Рим от нашествия галлов, разбудив своим криком ночную стражу, охранявшую капитолий (крепость).